

Сталинградский дневник

Николай Михайлович Волянов, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор НИИ травматологии и реабилитации, во время войны был маленьким мальчиком. Жил с родителями на хуторе Двойновском Сталинградской области. Родители работали в колхозе, за детьми приглядывала бабушка.

Окоп в саду

По мере приближения немцев к Сталинграду участились полеты над хутором самолетов со свастикой на фюзеляже и хвосте. Летали очень низко. Самолеты бомбят станцию Алексиково. Отец по просьбе бабушки поехал узнать, живы ли дядя Илья и его семья. Нас, пятерых внучат, баба Фекла спрятала в саду, в мезидином окопчике, который нас спас. Летчик увидел свежесырчатый окоп, и прошил его пулеметной очередью. К счастью, пули попали в брусстер. Мы лежали на дне, прикрытые телом бабушки. На нас ручейками стекала земля. Только вечером мы решились выбраться из окопа. Приехавший со станции отец рассказал страшные вещи: немцы разбомбили несколько вагонов с военнослужащими. Вагоны были закрыты снаружи, солдаты оказались в западне. Одна бомба попала в водоканку, где укрывались около пятидесяти человек. Всюду кровь и трупы.

В сильные морозы со степными бурями через наше село в Сталинградском направлении шли солдаты, военная техника. Это продолжалось два месяца. На ночь солдат распределяли по хатам. По ходу движения они ремонтировали машины. Для обогрева жгли костры. На дрова шли яблоны, вишни. Весной мы свой хутор не узнали: без деревьев

он стал голым. В нашем дворе остановились две машины. Водители жили в нашем доме. Они достали из мешка какие-то банки и отдали маме. Мама сварила кашу и пригласила солдат ужина. Один из водителей увидел меня, снял с печи, посадил за стол, наложил в котелок пшенной каши: «Ешь, казак». Ни прежде, ни позже я такой вкусной каши не ел. Она была на sale! Войска ушли, оставив много изношенных частей машин, пустых консервных банок. Потом все это пошло на изготовление домашней утвари.

на наша бедность, которую они увеличили в десятки раз.

Апофеоз войны

...Деревня Песковатка находилась в 25 километрах западнее Сталинграда. Я работал в студенческом отряде. Помогали убирать хлеб, просо, скирдовали солому, грузили знаменитые астраханские арбузы. Однажды агроном попросил студентов скосить просо. Согласился только я, остальные предпочли арбузную страду: работа на бахчевых непилыная, а заработки выше. Да и в технике разбирался только я: склизывал опыт целинника. Всю ночь я перетягивал колеса, смазывал агрегаты. Выпал в яму. При первом прогоне я заметил неравномерное созревание проса: в одном месте растения высотой достигают 80 см, но с хорошей метелкой, а в дру-

выркучку Паулюсу. До сих пор сожалею, что у меня не было с собой фотоаппарата. В фотодокументалистике я такого не встречал. Это был настоящий апофеоз войны.

В народе распространена легенда, по которой Маман, хан Золотой Орды, насыпал курган для погребения погибших воинов. Если это так, то на карте волжских степей появилось возвышение, с вершины которого Сталинград был, как на ладони. Отсюда по разбитым войскам можно было вести прицельный артиллерийский огонь с высокой точностью. Борьба за Мамаев курган шла на живот, а насмерть. Об этом рассказывали фильмы и книги. В этом я убедился, работая на очистке Мамаева кургана от военного «железа». Склоны его были буквально нафаршированы осколками снарядов, мин, пуль на глубине

« Это был настоящий ад, – рассказывает мне тетя Сима. – С раннего утра и до поздней ночи не прекращалась стрельба из всех видов орудий. Утром выберусь из землянки, смотрю: весь склон покрыт трупами в черных шинелях. Значит, высоту взяли наши. Через несколько дней картина менялась, и склоны покрывались белыми полушубками солдат-сибиряков. Так курсан переходил из рук в руки несколько раз. »

Снова через село идут военные. Но это не наши солдаты, а бывшие враги, пленные немцы. Идут молча. На привалах знаками подзывают детей и взрослых, просят воду, хлеб, табак. Охрана смотрит на это сквозь пальцы. Бабушка Фекла Самойловна решает помочь им, говорит: «Солдаты-то не по своей воле пошли воевать». В взрослые кленки нам не подходит, но дети дают им овощи, хлеб, даже молоко. Взамен мы получаем закладки, расчески, ножницы, губные гармошки. Мне тогда казалось, что пленных ужаса-

том 3 вымахало по полутора метров, но метелка недозрелая. Понял я причину, когда сел в кабину трактора. Передо мной раскинулась потрясающая картина: ярко-зеленые растения росли на месте бывших окопов, траншей, блиндажей. Поле битвы было как на ладони. Стало ясно: убитых солдат хоронили в окопах, но живая природа спустя десятилетия воспроизвела панораму сражений. К слову, под Песковаткой были наиболее жестокие. Красноармейцы сдерживали танковую армию Манштейна, которая шла на

полутора метра. Мы лопатами грузили эту начинку и вместе с землей отвозили в мартены металлургического завода «Красный Октябрь». У подножия кургана обнаружили странные землянки. В это время я жил на квартире у тети Симы. Она и рассказывала, что зимой 43-го, когда началась бой за Сталинград, вместе с маленькими дочками Тамарой и Ритой переселилась в землянку, которую вырыла у основания оврага недалеко от гигантского холма. Как ни странно, многие построили себе такие убежища, считая,

что здесь безопаснее, чем в самом городе. Хотя многие погибли от пуль, осколков авиабомб, подырались на минах. Погибших хоронили здесь же, рядом с их землянками, а детей брали к себе соседи.

– Это был настоящий ад, – рассказывала тетя Сима. – С раннего утра и до поздней ночи не прекращалась стрельба из всех видов орудий. Утром выберусь из землянки, смотрю: весь склон покрыт трупами в черных шинелях. Значит, высоту взяли наши. Через несколько дней картина менялась, и склоны покрыва-

лись белыми полушубками солдат-сибиряков. Так курган переходил из рук в руки несколько раз. Подползу к убитому немцу, возьму все съестное, сниму шинель и – в укрытие. С трупов красноармейцев снимала полушубки, устилала землянку, ведь морозы доходили до сорока градусов.

Тетя Сима была не одинока. Что им оставалось делать: они спасали своих детей от голода и холода.

Дина КАЛИТИНА.
Проктоевск.